

по 1921 гг., отец в качестве рабочего продолжал работать в совхозе, организованном в бывшем имении того же помещика; в 1921 г. был признан инвалидом» [1, л. 7]. Однако в разгар Ленинградского дела, А. А. Ярошевич был исключен из партии. Первым пунктом обвинения значилось сокрытие от партийных организаций социального прошлого своего отца. Как отмечалось в решении бюро Ленинградского обкома ВКП (б), он утаил тот факт, что его отец был старостой местечка Ушачи (Витебской губернии), арендовал фольварк «Черевичье» в 80 десятин земли, имел более десятка голов крупного рогатого скота и применял наемную рабочую силу [1, л. 2]. Важно отметить, что этот вопрос поднимался в 1936 г. в партгруппе президиума Ленгорсовета, и тогда Ярошевич не отрицал, что отец являлся приказчиком у помещика. Но тогда это не сказалось на его карьере: с 1931 по 1938 гг. Ярошевич являлся членом президиума Ленплана и заведующим финансовой секцией, в 1938 г. был переведен на должность начальника сектора сводного планирования, а с 1940 по 1948 гг. выполнял обязанности заместителя председателя Плановой комиссии Ленгорисполкома. И лишь в 1950 г., этот факт был использован как повод для исключения его из партии и снятия с руководящей должности.

Источниковедческий анализ документов из личных дел блокадных управленцев позволяет говорить о высоком информационном потенциале этих материалов, но воссоздание персональной истории требует использования их всех в совокупности.

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). – Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 760909.
2. Маленков, Г. М. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта / Г. М. Маленков // Правда. – 1941. – 16 февраля.
3. Сокольская, С. А. Воспоминания / С. А. Сокольская // Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (ВММ МО РФ). – ОФ-76940. Папка 3.
4. Фицпатрик, Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН, 2011. – 375 с.

Чистиков А. Н.

ВОСПОМИНАНИЯ Е. С. ЛАГУТКИНА О РАБОТЕ МПВО В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ: МОТИВАЦИИ АВТОРА И ПУБЛИКАТОРА

При написании мемуаров, в том числе и советского времени, существенное значение имеет мотивация автора: зачем он обращается к воспоминаниям, что и кому хочет сказать, что для него важно, а что нет, что он должен опустить под влиянием самоцензуры. Во многом подобные вопросы встают и перед публикатором или составителем, особенно в том случае, если мемуары издаются не полностью. О разных вариантах мотиваций автора и публикатора пойдёт речь в данном докладе, посвящённом анализу воспоминаний начальника штаба МПВО НКВД по Ленинграду и Ленинградской области в годы войны генерала Е. С. Лагуткина.

В первой половине 1960-х гг. сотрудники Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ АН СССР) приступили к созданию сборника воспоминаний и дневников участников обороны Ленинграда в 1941–1944 гг. С просьбой подготовить небольшие мемуары они обратились к нескольким авторам, в том числе и к Е. С. Лагуткину. 10 марта 1964 г. Лагуткин завершил воспоминания (37 рукописных или 62 машинописных страницы формата А4), которые отложились в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга [1]. Сравнение рукописного и машинописного текста показывает, что они практически идентичны.

Большой объём не позволял опубликовать воспоминания полностью, поэтому для сборника «Оборона Ленинграда» тоже в марте 1964 г. был подготовлен сокращённый вариант [2]. Оригинал его, к сожалению, не сохранился, но на то, что это новый текст и он был написан Лагуткиным, а не членами редколлегии, указывает следующая деталь: в неопубликованном и опубликованном текстах частично упоминаются разные фамилии командиров формирований МПВО [1, л. 78; 2, с. 397], и это выбор автора, а не попытка сокращения текста.

Сразу стоит отметить, что сданный в набор в августе 1965 г. сборник был подписан к печати только в июне 1968 г., когда исчезли уже последние следы оттепели, что, на наш взгляд, сказалось на содержании книги, в том числе и на мемуарах Лагуткина.

Поскольку тема воспоминаний – деятельность МПВО Ленинграда и руководство ею Лагуткиным – была задана составителями сборника, то содержание и структура опубликованного и неопубликованного текстов почти совпадает. Автор рассказывает о событиях первых дней войны, о встречах с партийными, советскими и военными руководителями, о работе МПВО по ликвидации последствий бомбардировок и артиллерийских обстрелов, о деятельности формирований по захоронению жертв блокады и т. д.

Изложение идёт по хронологии, но начинает автор с упоминания о своём участии в войне в Испании, чтобы подчеркнуть опасность воздушных налётов и важность защиты города средствами МПВО. В неопубликованном варианте несколько абзацев посвящено работе МПВО Ленинграда в годы советско-финляндской войны. Лагуткин сетует, что ни в этой войне, ни в Великой Отечественной войне (до 1943 г.) он не получал важных данных о противнике от начальника Главного управления МПВО НКВД СССР генерал-лейтенанта В. В. Осокина. К критике Осокина он обращается трижды [1, л. 51, 54–56], это для него имеет существенное значение, но в сборнике Осокин не упоминается вообще. Безусловно, это был выбор составителей, возможно по этическим причинам (Осокин скончался в 1960 г.), хотя не исключено, что могли сыграть роль и цензурные соображения.

Нет в сборнике и эпизода разговора Лагуткина со вторым секретарём Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецовым вечером 21 июня 1941 г., в ходе которого партийный работник не только поинтересовался состоянием МПВО, но и уточнил место пребывания Лагуткина в выходной день, т. е. 22 июня [1, л. 52]. Важность этого свидетельства очевидна, оно показывало, что руководящие работники Ленинграда обладали информацией о возможном нападении немцев именно 22 июня. Почему этот рассказ не вошёл в книгу? Кузнецов к этому времени был реабилитирован, его имя встречается во многих воспоминаниях (в том числе и у Лагуткина), помещённых в сборнике, поэтому списать на требование цензуры нельзя. Опускать этот научно значимый эпизод ради сокращения текста было бы неверно. Возможно, составители засомневались в существовании самого разговора. А их коллеги из Института истории партии Ленинградского обкома КПСС включили этот эпизод в форме короткого диалога в коллективный труд «На защите Невской твердыни», вышедший в 1965 г. [3, с. 9]. Поскольку Лагуткин был одним из консультантов этого труда, информация о встрече с Кузнецовым шла явно от него. Можно предположить и иной вариант: то, что было позволено в 1965 г., стало невозможным три года спустя. И дело здесь не просто в гражданской цензуре, а в рецензировании уже готового сборника в Главном политическом управлении [4, с. 325].

Этот разговор с Кузнецовым Лагуткин вновь вспомнил спустя 12 лет в интервью, которое брали у него А. Адамович и Д. Гранин для «Блокадной книги» [5, л. 2]. Интересно, что, не сговариваясь с ним, о подобной беседе, но уже с председателем Ленгорисполкома П. С. Попковым тогда же рассказал создателям «Блокадной книги» и заведующий отделом торговли Ленгорисполкома И. А. Андреев [6, л. 4]. Таким образом, можно с большой долей уверенности предположить, что подобные разговоры имели место.

4 сентября 1941 г. Ленинград впервые подвергся обстрелу из артиллерийских орудий. В неопубликованном варианте Лагуткин, упомянув об этом, далее пишет: «Появилась опасность, которую мы не ожидали». Эта фраза, равно как и последовавший за ней рассказ Лагуткина об обсуждении методов борьбы с артиллерией противника на встрече с К. Е. Ворошиловым и рядом членов Военного совета Ленинградского фронта [1, л. 66–67], также не вошли в опубликованный вариант. Можно допустить, что данная фраза была исключена публикаторами по требованию цензуры, ибо она акцентировала внимание читателей на просчётах руководства, как центрального, так и местного. На это могло повлиять и изменение политического климата в стране, ибо тремя годами раньше историки открыто писали, что артиллерийские обстрелы «оказались для горожан и МПВО совершенной неожиданностью» [3, с. 166]. Рассказ о встрече с Ворошиловым и другими членами Военного совета составители могли счесть малозначительным, так как из описания можно было только выделить поставленную перед МПВО задачу свести потери от артобстрелов до минимума. Не уделили внимания этому эпизоду и авторы коллективного труда. Хотя Лагуткин скорее всего поделился с ними воспоминаниями об этом совещании, они ограничились упоминанием о поставленной горкомом партии и Военным советом фронта задаче выработки срочных мер для защиты населения [3, с. 166]. Для Лагуткина же этот эпизод остался важным и памятным, и в 1976 г. в беседе с А. Адамовичем и Д. Граниным он вновь подробно рассказал о нём [5, л. 14–15]. Сравнение в этих двух источниках прямой речи Ворошилова, обращённой к Лагуткину, показывает, что содержание её идентично, но текстуально они различаются. Следовательно, этот эпизод отложился в памяти респондента своей сутью, а не мельчайшими подробностями.

Одним из важных вопросов, вскоре приобретшим не только научное, но и политическое звучание, был вопрос о количестве жертв среди мирного населения Ленинграда. В неопубликованных воспоминаниях Лагуткин возвращается к этой теме дважды. Рассказывая о работе МПВО по захоронению трупов, он писал, что «частями МПВО было захоронено свыше 600000 человек. В эту скорбную цифру включены многие солдаты и офицеры местной ПВО, погибшие от голода и при выполнении боевых заданий» [1, л. 84]. Впоследствии, в беседе с А. Адамовичем и Д. Граниным, повторив эти же данные, Лагуткин уточнил, что они основаны на учётных документах, отложившихся в штабе МПВО, и относятся к периоду октября 1941 – марта 1942 г. [5, л. 12] Заканчивая свои неопубликованные мемуары, Лагуткин приводит итоговые цифры потерь, основываясь на данных, оглашённых на Нюрнбергском процессе: авиабомбами и снарядам было убито 16747 человек, ранено 33782

человека, умерло от голода более 632 000 человек [5, л. 102]. Казалось бы, эти сведения примерно совпадают, однако кроме МПВО захоронениями занимались и другие организации, что признаёт и сам Лагуткин [5, л. 13], и подтверждается другими документами [7, с. 339]. Налицо противоречие, которое автор не снял, поскольку оказался в плену официальной статистики.

В опубликованном варианте воспоминаний нет упоминания о 600 000 горожанах, захороненных командами МПВО, и о 632 000 умерших от голода. Последняя цифра заменена фразой: «умерло от голода сотни тысяч человек» [2, с. 408]. Однако причина, на наш взгляд, не в снятии составителями выявленного противоречия. При подготовке пятого тома «Очерков истории Ленинграда», посвящённого периоду Великой Отечественной войны, сотрудники ЛОИИ АН СССР В. М. Ковальчук и Г. Л. Соболев специально исследовали вопрос о потерях ленинградцев от голодной смерти. Результаты они опубликовали в статье «Ленинградский реквием» в 1965 г., придя к выводу, что погибло не менее 800 000 человек [8, с. 191–194]. Эти же данные, со ссылкой на упомянутую статью, в предисловии к сборнику привёл маршал Советского Союза М. В. Захаров [2, с. 12]. Логично было бы увидеть в воспоминаниях Лагуткина тоже эти новые сведения. Вероятно, он всё же не согласился с позицией В. М. Ковальчука и Г. Л. Соболева, которые принимали самое активное участие в составлении сборника «Оборона Ленинграда». Был найден компромиссный вариант, который устроил и составителей, и автора. Таким образом, здесь удалось разрешить противоречие выбора.

Мотивация автора и мотивация составителя /публикатора советских мемуаров в советское время зависели от разных причин и должны учитываться при анализе содержания воспоминаний.

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. – Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67.
2. Лагуткин, Е. С. [Воспоминания] / Е. С. Лагуткин // Оборона Ленинграда 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1968. – С. 384–408.
3. Князев, С. П. На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / С. П. Князев [и др.]. – Лениздат, 1965. – 644 с.
4. Ковальчук, В. М. Как создавался сборник «Оборона Ленинграда» / В. М. Ковальчук // Политика. Общество. Человек. К 85-летию доктора исторических наук профессора А. З. Ваксера. – СПб. : Европейский Дом, 2008. – С. 321–327.
5. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. – Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 410.
6. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. – Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 404.
7. Из отчёта городского управления предприятиями коммунального обслуживания о работе за год войны с июня 1941 по июнь 1942 г. Раздел «Похоронное дело». 5 апреля 1943 г. // Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. – СПб. : Лики России, 1995. – С. 319–343.
8. Ковальчук, В. М. Ленинградский «реквием» (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады / В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев // Вопросы истории. – 1965. – № 12. – С. 191–194.

Пищулина С. Ю.

КАДРОВЫЙ СОСТАВ НАРОДНЫХ СУДОВ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1943 ГГ. (ПО ДАННЫМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В настоящее время пристальное внимание историков сосредоточено на изучении отдельных вопросов периода Второй мировой и Великой Отечественной войн. Это внимание вызвано не только сложившейся политической ситуацией, но и процессами цифровизации архивных фондов, большей доступностью архивных источников для широкого круга исследователей. Президент В. В. Путин в послании Федеральному собранию РФ в 2020 г. задекларировал, что Россия «создаст самый полный комплекс архивных материалов о Второй мировой войне, который будет доступен гражданам РФ и иностранцам» [8]. Это заявление ускорило рассекречивание и публикацию архивных документов. Тем не менее, основной публичный интерес сосредоточен на внешнеполитических актах и свидетельствах, раскрывающих деятельность органов власти и управления СССР периода войны. Часть фондов еще находится в обработке, часть мало востребована учеными, особенно из региональных архивов.

В фонде 6332 Управления министерства юстиции по Сталинградской области Государственного архива Волгоградской области (далее ГАВО) хранятся документы о народных судах периода Великой Отечественной войны. За 1939 – 1941 гг. материалы практически не сохранились, отдельные фрагменты позволяют проанализировать деятельность только Астраханского окружного суда в 1939 – 1941 гг. Астрахань до декабря 1943 г. входила в состав Сталинградской области. В 1956 г. Управление министерства юстиции по Сталинградской области было ликвидировано, и документы спецчасти были переданы в областной суд Сталинградской области. В ГАВО это фонд 3183 Волгоградского областного суда (облсуда) Верховного суда по РФ.

Всего в указанных фондах архива содержится сто двадцать одно дело 1942 – 1945 гг., из которых шестьдесят семь – уголовные дела. В 80 % из них рассматривались обвинения по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» («закон о